

ИЗУЧЕНИЕ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА XIX — НАЧАЛА XX ВВ. В ТРУДАХ А. А. МАКАРЕНКО

Федорова Вера Ивановна

*Д.и.н., профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
vi-fedorova@yandex.ru*

THE STUDY OF SIBERIAN PEASANTRY IN THE XIX — EARLY XX CENTURIES IN THE WORKS OF A. MAKARENKO

V. Fedorova

Summary. The article analyzes the scientific heritage of the famous historian and ethnographer of the Narodnik trend A. A. Makarenko, who served a political exile in the Yenisei province. Its concept is revealed his concept of the Siberian peasantry through the prism of the evolution of the Narodnik worldview. It is concluded that it was pointed against the liberal-regional concept, which denied the genetic link between the culture of the Siberian peasantry and the all-Russian one. The main idea that develops in Makarenko's works is that the Siberian culture, while preserving the Russian core, represented a new integrity that was the result of syncretism with the culture of the indigenous population of Siberia.

Keywords: peasantry, pagan remnants, festive culture, folk medicine, peasant calendar, Siberian Oblastnichestvo.

Аннотация. В статье анализируется научное наследие известного историка и этнографа народнического направления А. А. Макаренко, отбывавшего политическую ссылку в Енисейской губернии. Раскрывается его концепция сибирского крестьянства через призму эволюции народнического мировоззрения. Делается вывод, что она была заострена против либерально-областнической концепции, отрицавшей генетическую связь культуры сибирского крестьянства с общерусской. Основная мысль, которая развивается в трудах Макаренко, заключается в том, что сибирская культура, сохраняя русское ядро, представляла новую целостность, явившуюся результатом синкретизма с культурой коренного населения Сибири.

Ключевые слова: крестьянство, языческие пережитки, праздничная культура, народная медицина, крестьянский календарь, сибирское областничество.

Среди плеяды ярких ученых, открывших миру неизвестные страницы жизни сибирского крестьянства, важное место занимает имя этнографа Алексея Алексеевича Макаренко. Его путь в отечественную науку не был похож на биографии кабинетных ученых, шедших к своей цели через получение академических званий и регалий. Его привела в науку революционная стезя, на которую он вступил в годы своей молодости, совпавшей с пиком народовольческого движения. Макаренко повторил путь многих участников революционного движения второй половины XIX в., ставших видными учеными-этнографами — Д. А. Клеменца, Э. К. Пекарского, Ф. Я. Кона, В. Г. Тан-Богораза, В. С. Арефьева, С. П. Швецова. Их интерес к этнографии, изучавшей истоки народной культуры, отвечал стремлению понять насущные нужды народа, его жизненные и духовные потребности. Такой подход базировался на просветительских основах мировоззрения народнической интеллигенции, горячей вере в преобразовательную силу науки, убеждении в том, что общественный прогресс резко ускорится, если «наука поторопится заглянуть во все лачуги и предложит народу весь запас знаний, добытых ею».

Алексей Алексеевич родился в семье полкового чиновника в Харькове. В детстве столкнулся с крайней нуждой. Ему приходилось самому добывать хлеб, работая нянькой в чужих семьях, мальчиком в трактире, учеником в кузнице. При поддержке сестры ему все же удалось в 1881 г. окончить Харьковское реальное училище. Но дальше учиться не пришлось, он был захвачен водоворотом революционной борьбы. В 1881 г. он вместе с участниками кружка В. Данилова вел пропаганду среди крестьян Тамбовской губернии. По возвращению в Харьков был арестован, но вскоре выпущен на поруки родных. Однако первые неудачи не ослабили энтузиазм молодого революционера, и Макаренко продолжает участвовать в деятельности народнических кружков вплоть до второго ареста в 1885 году. За распространение революционно-пропагандистских изданий он был приговорен к административной высылке в Восточную Сибирь.

В 1886 г. Макаренко был назначен на поселение в с. Ужурское Ачинского округа Енисейской губернии. Здесь он с товарищами по ссылке П. К. Пешекеровым,

Б. Ю. Рыздзеевским, В. Н. Кудряшевым, Г. Д. Синевым, А. М. Новиковым образовал коммуны. На общие деньги они купили лошадь, орудия труда и распахали 3 десятины. Решение завести крестьянское хозяйство, как вспоминал Пешекеров, было принято не столько для обеспечения материальных нужд (шестирублевого пособия ссыльным вполне хватало, учитывая дешевизну продуктов в Ужуре), сколько для того, чтобы «быть ближе, сходитьсь с крестьянами» [3, л. 10]. Другими словами, завоевать доверие крестьян, которые с некоторым подозрением относились к политическим ссыльным.

Поскольку запашка была небольшая, а работников в коммуне было 6 человек, то посевную и уборку они заканчивали рано и в свободное время помогали малообеспеченным крестьянам. Хозяйственные успехи коммунаров (урожайность у них в 1,5 раза превышала крестьянскую), а, главное, их искреннее стремление быть полезными крестьянам, привели к тому, что вскоре они завоевали их полное расположение. Их авторитет среди селян стал настолько непререкаемым, что по всем вопросам, и особенно тем, что вызывали крестьянские споры, они обращались к Макаренко и его товарищам. В 1894 г. Макаренко и Пешекеров активно выступили на стороне ужурских крестьян, поддержав их в отказе от уплаты незаконно увеличенных податей. За это оба были высланы в отдаленные волости. Новым местом поселения Макаренко было назначено с. Казачинское Енисейского округа, где он оставался до окончания срока ссылки в 1899 г.

Соприкосновение с народной жизнью в ее повседневной обстановке, которая далеко не во всем совпадала с представлениями, почерпнутыми из пропагандистской народнической литературы, стало важным рубежом в эволюции мировоззрения Макаренко. Он выступает не сторонним наблюдателем, а таким же, как и крестьяне — работником. Наравне с ними пашет, сеет, жнет, косит, корчует лес. Перенимает хозяйственный опыт у крестьян и учит их методам научной агрономии (отсортировки семян для борьбы с головней), применяет механические орудия (сконструированную совместно с товарищами пароконную молотилку), занимается огородничеством, вместе с крестьянами участвует в помочах (совместной работе по оказанию хозяйственной помощи кому-либо из членов сельской общины), работает на золотых приисках. Вместе со своими товарищами по ссылке он устроил в Ужуре школу для крестьянских детей, в которой они обучали грамоте по методике Л. Н. Толстого, занимался медицинской практикой, пропагандой санитарных знаний, благодаря чему среди местных крестьян заметно снизилась заболеваемость эпидемическими болезнями.

Для некоторых ссыльных революционеров встреча с реальным, а не вымышленным народом нередко приводила к крушению интеллигентских иллюзий о «шоколадном мужике» и навсегда «излечивала» от народолюбия. Макаренко же она не только не отвратила от демократических установок народнической идеологии, но способствовала наполнению их более глубоким содержанием, пониманием того, что прежде чем учить народ, надо познать глубинные культурные коды народной жизни, излечиться от интеллигентского снобизма, прямолинейного представления о том, что народ темен, живет в дремучих предрассудках. Достаточно его от них избавить, и это приведет к всеобщему благоденствию. Жизненный опыт Макаренко, стал по его собственному признанию, «действительной школой», которая «облегчила пути взаимного понимания и тесного сближения с народом». «В ней мы, политические изгнанники, черпали полной мерой познания материального быта, духовного его творчества, его психики и чаяний», — признавал он позднее в своих воспоминаниях, написанных для Восточносибирского отдела Русского географического общества [1, с. 102].

Новое понимание базировалось на глубоко научном подходе к изучению хозяйственно-экономических, социальных и психоментальных основ народной жизни, которые давала этнографическая наука начала XX века. И хотя Макаренко не имел профессионального образования в этой области, но его искренняя увлеченность изучением сибирского крестьянства, природный талант наблюдателя и дар публициста делают его труды ярким явлением в отечественной историографии и этнографии. Известный историк сибирской культуры М. К. Азатовский ставил Макаренко в ряд основоположников научной традиции изучения русского населения Сибири, утверждая, что «в сущности, только с работ Макаренко и начинается настоящее систематическое научное изучение русской народности в Сибири» [1, с. 105].

Тематика трудов Макаренко достаточно широка и включает вопросы хозяйства, быта, верований, народной медицины, обрядов, фольклора русского земледельческого населения, положения приисковых рабочих. Толчком, который заставлял народника взяться за исследования той или иной темы, нередко служили непосредственные нужды крестьянского населения. Например, очень остро в сибирской деревне стояли вопросы оказания медицинской помощи. В Сибири в отличие от европейской России не было земств, которые взяли на себя организацию здравоохранения в деревне. На всю губернию с населением около полумиллиона человек в 1880-е гг. приходилось всего 54 врача, подавляющая часть которых работала в городах. Крестьянское же население практически было лишено квалифицированной медицинской помощи и выживало, как могло, соз-

дав уникальную систему народной медицины, в которой причудливо сочетались как рациональные знания, основанные на многовековом опыте, так и суеверия.

Макаренко обращается к теме народной медицины не из абстрактного научного интереса, а для того, чтобы собранные им материалы привлекли внимание медицинской общественности. «Если “Материалы” Ужурской волости, в совокупности с другими подобными пробудят в ком искреннее желание послужить народу на этом высоком поприще; если в частных общественных учреждениях и в отдельных личностях вызовут сочувствие к бесцельно погибающему меньшему брату ..., то они выполнят свое назначение». «Нужно скорее идти на помощь сибиряку. Это мое единственно основное желание, на изменение которого я не соглашусь», — призывал он в предисловии к своему труду [4, с. 60].

Материалы, записанные Макаренко со слов крестьян Ужурской, Шарыповской, Назаровской волостей, практиковавших лечение методами народной медицины, были классифицированы автором по разделам: «Общие болезни», «Народное акушерство», «Народное кормление грудных детей», «Детские и женские болезни». А также включали приложение из описания травяных сборов, применяемых в народной медицине и гербария лечебных трав, который был передан в Общество врачей Енисейской губернии.

Ценность исследования Макаренко заключается не только в самих материалах, дающих живую картину народных знаний об анатомии человека, фармацевтике, акушерстве, педиатрии, гигиене, но и в том, что автор рассматривает их как органическую часть народного мироощущения, главной чертой которого является мифологизация природы, социума и человека. Так он приводит пример, что крестьяне называли целый ряд физических недугов «кумушкой», отождествляя их с духом женщины, которая вселяется в человека, исключительно для того, чтобы мучить его. «Она носится по свету невидимой стеной (тенью) и сеет свою пагубную порчу исподтишка, незаметно для встретившего ее «каждоденно» трясет его, то с попередышками — поденно ... На двенадцать манеров кумушка берет людей» [4, с. 62]. Макаренко видел в этом проявление рудиментов языческого анимизма, которые стойко держались в сознании сибирского крестьянства, несмотря на все усилия церкви искоренить их. Близость к природе формировала образное видение мира, в котором царили добрые и злые духи, влиявшие на жизнь человека. Не последнюю роль в консервации языческих элементов, по мнению ученого, играла и близость русских крестьян с коренным населением Сибири, среди которого сильное влияние имел шаманизм, утверждавший, что все в мире наделено душой, в том числе и болезни.

Теме языческих пережитков в крестьянском сознании посвящена и заметка «Почитание огня у крестьян-сибиряков Енисейской губернии», где приводится материал о сохранении культа «деревянного огня» у крестьян Ужурской, Казачинской, Маклаковской, Яланской и Пировской волостей. «Деревянный огонь» — это огонь, добываемый путем трения кусков дерева друг о друга. Ему крестьяне предавали магическую силу очищения и применяли для окуливания скота от эпизоотий, а также для борьбы с эпидемиями. Макаренко считает, что архаический способ добывания огня является свидетельством того, что в XX в. крестьяне предавали огню такое же сакральное значение, как и в глубокой древности [5]. При этом он замечает, что этот обычай чаще встречается в деревнях старожилов Енисейского округа, где ядро постоянного населения сложилось в XVII в. Гораздо реже он встречается в деревнях, где преобладали переселенцы, заселившиеся в более поздний период XIX–XX вв.

Важной вехой в научном творчестве Макаренко стала его работа «Сибирский народный календарь» (СПб., 1913), в которой были обобщены уникальные сведения о хозяйственной и культурной жизни сибирского крестьянства. Народные календари являлись традиционной формой, в которой аккумулировались знания о природе, необходимые для земледельческих работ: наблюдения за сезонными климатическими колебаниями, цикликой сельскохозяйственных культур, вскрытием и разливами рек, поведением животных и т.д. Однако календари регламентировали не только хозяйственную деятельность крестьянина. Буквально вся общественно-культурная жизнь деревни строго подчинялась календарным ритмам: праздники, свадьбы, обряды, религиозные ритуалы. По сути, календари являлись энциклопедией народной жизни. К тому же кроме практических знаний они отражали еще и мировоззренческое осмысление жизни, выражая социальные и моральные нормы, определявшие поведение в крестьянской среде.

Календарь Макаренко явился результатом сведений, собранных народником во время своего пребывания в местах ссылки — в селах Ужурском и Казачинском, экспедициях по Приангарью в 1904 г., Минусинскому уезду в 1906 г., Енисейскому уезду и Туруханскому краю в 1907–1908 гг., Амурской области в 1910 году. Таким образом, ареал, охваченный исследованиями Макаренко, включал значительную часть Восточной Сибири и Амурской край, что позволяет считать его данные достаточно репрезентативными для характеристики обще сибирских календарных представлений крестьян.

Свою цель Макаренко видел в том, чтобы обобщить и систематизировать накопленный материал, расширить поле исследования общерусского народного ка-

лендаря, благодаря введению в оборот региональных материалов по Сибири, «перебросить мост между простонародным календарем Сибири и его родоначальником — календарем русского народа Европейской России» [8, с. 13].

Исследование Макаренко актуализировало острый в общественно-политической и научной проблематике вопрос о месте Сибири в общероссийском историческом и культурном пространстве. Еще ранее в 1908 г. Макаренко высказал свою позицию по нему в совместной с Д. А. Клеменцем рецензии на сборник «Сибирь, её современное состояние и нужды» (СПб., 1908). В рецензии, опубликованной под псевдонимом «Альтерно», оспаривалась генеральная идея областничества об особом этническом типе сибиряка, отличном от русского, на которой базировалась концепция сибирского сепаратизма. Клеменц и Макаренко, отстаивая единство исторического пути развития Европейской России и Сибири, утверждали, что нельзя «отмежевываться от русской культуры и пытаться сделать невозможное — создать особую культуру, особую нацию». «Сибирь разовьет в себе культуру, но это будет, повторяем, культура общеевропейская; она будет разрабатывать местную жизнь, изучать местную природу, будет брать оригинальные свои местные темы для создания искусства, но это будет культура не сибирская, а европейская и нераздельная с общерусской. Стремление отмежеваться от русской культуры будет невозможно» [2, с. 27–28].

Макаренко показывает на многочисленных примерах общее значение примет природных явлений, по которым ориентируют сельскохозяйственные работы крестьяне, как Сибири, так и европейской части, общность обрядов, праздников, верований. Отличия сибирского календаря связано, главным образом, с более поздними сроками сельскохозяйственных работ и спецификой хозяйственного уклада сибиряков — комплексным его характером, включавшим такие виды хозяйственной деятельности, как охота, рыболовство, деревообработка. Сибирские крестьяне, также как и их российские собратья, отмечали общие православные праздники — рождественские и крещенские, масленицу, Благовещение, пасху, дни святых православного пантеона. Хотя у них были и чисто сибирские праздники: Дмитрия Солунского (26 октября), отмечаемый как день завоевания Сибири, местных святых Иннокентия Иркутского, Василия Мангазейского.

Макаренко отмечает, что в Сибири сохраняются такие праздники, которые в центральной России уже давно стали архаикой. Они связаны с отголосками языческих верований. Например, праздник «Сорока мучеников», который напоминал древний обычай «кликанья весны», и сопровождался кое-где оргиями. Он приводит пример

существования среди сибиряков молитвы в честь святого Петра, считавшегося покровителем рыбного промысла, указывая, что она сохранилась только в Сибири, хотя была известна в общерусских церковных канонах с XVII в. и сопровождалась жертвоприношениями [8, с. 66]. Однако в коренной России к концу XIX в. эта молитвенная и обрядовая практика уже была забыта.

Своеобразие сибирской праздничной культуры заключалось также в том, что в религиозных празднованиях наряду с русскими крестьянами принимало участие и крещеное коренное население. Макаренко приводит пример, как в Ужур на празднование Петрова дня съезжались жители Кизильской степной думы. Они одевались в свои лучшие национальные костюмы, угощали русских крестьян аракой, пели друг другу величания, русская и хакасская молодежь смешанными парами кружились в танцах и пели национальные песни [8, с. 68].

Подводя итог своему исследованию, Макаренко приходит к выводу, что календарь сибирского крестьянства представляет собой в значительной степени «перепев» великорусского народного календаря. «Это доказывается как всем существом и содержанием сибирского календаря, его основными типичными чертами ... и способами дне исчисления, так и сведениями, подчеркнутыми из описания простонародных календарей различных русских авторов», — пишет ученый [8, с. 117]. Он называет сибирский календарь «осколком», русского, занесенным в Сибирь выходцами из России. На его эволюцию, по мнению Макаренко, повлияли: изолированность русского земледельческого населения Сибири, поэтому в нем сохранились такие даты и праздники, которые уже давно утратили свое значение в коренной России; тесное общение с коренным населением; разнообразие топографических и климатических особенностей региона. Всё это предало ему специфические черты, сделав «сибирский народный календарь несколько отличным от российского».

Макаренко установил, что общее количество праздничных дней в году в сибирской деревне, считая главные церковные праздники, полу праздники (когда работы прекращаются только на неполный день), местные «съезжие» составлял 130–135 дней, то есть, третью часть года. В пересчете на денежную стоимость потери на одного человека составляли от 34 до 54 руб. или от 23,5% до 37% дней календарного года и расхода на материальные средства. С одной стороны, длительные праздники можно рассматривать как нерациональную организацию крестьянского хозяйственного и общественного быта. Огромные деньги тратятся непроизводительно, не инвестируются в хозяйство, просто прогуливаются. Именно так подходили к оценке этой хозяйственной традиции русского крестьянства многие либеральные

экономисты, видя в этом лишь следствие невежества и дикости российской деревни, лености русского мужика. Отсюда они выводили и низкий уровень жизни крестьян.

Макаренко, согласен, что организация хозяйственной и общественно-культурной жизни русского крестьянства оставляет желать лучшего, однако справедливо указывает на то, что условия крестьянской жизни в коренной России, а тем более, в Сибири, очень сильно отличаются от западноевропейских, которые считались в либеральной литературе эталоном. Короткий сельскохозяйственный год не позволяет крестьянам равномерно распределять трудовую нагрузку. В разгар короткой страды крестьяне трудятся по 16–18 часов, в тяжелейших условиях летнего зноя, задыхаясь от жары и мошки. Весной — изматывающий физический труд при вспашке и бороньбе, корчевание леса по крутым угорам; зимой — рубка дров, молотба в лютые морозы, промысел в тайге и на реке, сопряженный с опасностями для жизни; исправление трактовых дорог; ямская гоньба. Таковы суровые реалии крестьянской жизни, которые Макаренко испытал сам. «Есть отчего “заломить” пояснице, телу и душе потребовать праздничного отдыха и явиться желанию “погулять”», — подытоживает автор [8, с. 122].

Позиция народника заключается в том, что надо не укорять крестьян в невежестве и лености, а изменить условия крестьянского труда, облегчить его с помощью механизации, для чего обеспечить доступные кредиты, развивать хозяйственную и культурную инфраструктуру на селе. А для этого необходима поддержка власти и той части российской интеллигенции, которая чувствует ответственность за судьбы народа. Пока же эти условия остаются неизменными, то и потери в производительности труда будут оставаться значительными. Попутно заметим, что в новейшей зарубежной историографии большое количество праздников у русских крестьян также объясняется экстремальными условиями хозяйствования. А коллективные празднования, во время которых «проедались» огромные излишки, рассматриваются как

своего рода инвестиции в общественную солидарность, которая служила неким страховочным фондом для членов общины [14,15].

Значение труда Макаренко состоит в том, что он фактически первым ввел в научный оборот систематизированный материал о календарных представлениях сибирских крестьян. Для европейской части страны подобные исследования были проведены в трудах И. Сахарова, И. Снегирева, А. Потебни, и других [9,10,12]. Для Сибири отдельные сведения о календарных приметах и праздниках содержались в работах, посвященных общим вопросам экономики и культуры региона.

Исследование Макаренко о сибирском народном календаре получило высокую оценку в академических кругах. Оно было трижды премировано Русским географическим обществом, Академией наук и Томским университетом, став для современников настоящим открытием многогранной и богатой духовной жизни сибирского крестьянства. Отмечая значение труда Макаренко, один из рецензентов сравнивал его с «эпопеей, которая нравится своей величавостью, архаичностью и которую хочется изучать, исследовать как сокровищницу русской народной культуры».

Основные выводы ученого о духовно-культурном облике сибиряка кардинально расходились с утверждениями известного сибирского историка областнического направления А. П. Шапова, подчеркивавшего негативное влияние на русских крестьян коренного населения, которое вело к «осибирячиванию», то есть к утрате исконных национальных культурных традиций. Макаренко не отрицал определенного влияния коренных сибирских народностей на русское население, но считал, что оно не изменило этнический и культурный генотип, а, напротив, даже усилило русский национальный элемент. Синтез различных этнических культур, по мнению ученого, это проявление не «расслабления, а могучего инстинкта народа», способного интегрировать элементы иной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М.К. А. А. Макаренко. К 40-летию научной и общественной деятельности. 1887–1927 гг. // Сибирская живая старина. Вып.7. Иркутск, 1928. С. 101–114.
2. Альтерно. Новый сборник статей о Сибири // Сибирские вопросы. 1908. № 33–34. С. 15–28.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.533. Оп. 1. Д. 960.
4. Макаренко А. А. Материалы по народной медицине // Живая старина. 1897. № 1. С. 57–100.
5. Макаренко А. А. Почитание огня у крестьян-сибиряков Енисейской губернии // Живая старина. 1897. № 2. С. 247–253.
6. Макаренко А. А. Канун по сибирском селениям (Восточная Сибирь. Енисейская губерния). СПб., 1908. 19 с.
7. Макаренко А. А. Промысел красной рыбы на р. Ангаре. М. З. и Г. И. Деп. земледелия. СПб.: Тип. «Т-ва художеств. печ», 1902. 56 с.
8. Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. Новосибирск: ВО «Наука», 1993. 167 с.
9. Потебня А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 2012.

10. Сахаров И. Народные праздники и обычаи // Сказания русского народа. Т. 1. М., 2013. 800 с.
11. Сибирь, ее современное состояние и нужды: сборник статей. СПб., 1908. 294 с.
12. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды: вып. 1–4. М., 1837–1839.
13. Шейнфельд М. Б. Историография Сибири. Конец XIX — начало XX вв. Красноярск: Краснояр. пед. ин-т, 1973. 399 с.
14. Arcadius Kahan. Russian economic history: The nineteenth cent. / Ed. by Roger Weiss. Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1989. P. 244.
15. Wolf, Eric R., Peasants (Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1966). 116. P.

© Федорова Вера Ивановна (vi-fedorova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева